О.В. Зотов

ИВ РАН

Восточный Туркестан (Синьцзян) в новой «Большой игре» великих держав

Туркестан, Афганистан, Персия – фигуры на шахматной доске;
ставка в этой игре – власть над миром.
Лорд Ч.Н. Керзон

Мало было пользы, когда приобрели [Западный край],
и мало вреда, когда оставили.
Цянь Ханьшу, гл. 95

1. Каскад памятных дат. Поднимая проблематику Восточного Туркестана, стоит начать с памятных дат в истории российского востоковедения.

160 лет назад скончался первый российский китаевед Н.Я. Бичурин (о. Иакинф, 1777–1853), а 102 года назад вышло в свет его «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена».

140 лет назад (1873) увидела свет монография В.В. Григорьева (1816–1881/1882) «Восточный, или Китайский Туркестан».

110 лет назад (1903) вышел в свет классический труд А.Е. Снесарева (1865–1937) «Северо-индийский театр [войны]», 90 лет (1923) назад классик российского востоковедения завершил свой фундаментальный труд «Философия войны», а в 1922 и 1924 годах увидели свет первые два издания его «Введения в военную географию». В 2014 г. исполняется 90 лет работе А.Е. Снесарева «Гримасы стратегии».

Военные востоковеды В.В. Григорьев и А.Е. Снесарев заложили основы российской гео[историо]политики. Несколько ранее о. Иакинф ввёл понятие «широтной» Средней Азии от Средиземного моря до Тихого океана вдоль исторического Шёлкового пути (в современной

© Зотов О.В., 2014

геополитике это Большой Ближний Восток). Под влиянием о. Иакинфа и его ближайших коллег В.В. Григорьев и А.Е. Снесарев обратились к изучению китайских исторической проблематики; для А.Е. Снесарева китайский язык стал 21-м в его лингвистическом «арсенале».

Три замечательных российских востоковеда по-своему предвидели сложнейшие процессы XXI в. и так или иначе предложили пути управления ими.

2. «Поднебесная в хаосе, весь терем продувается ветром», – сказал когда-то Мао Цзэдун. Стремительное развитие глобальных процессов выявляет множество трудных проблем, и среди них важнейшая, но неочевидная: «ощущение возможной реальности выше ощущения реальных возможностей» в обстановке 8 (восьми) разновидностей хаоса [24, с. 3–4]. Неясные и запутанные перспективы «столкновения цивилизаций» дополнительно затемняются мифологией «конца истории». Эта истерия знаменует собою конец историка, но не истории. Однако не случайно акад. В.В. Бартольд объявил в 20-е гг. Синьцзян «страной прошлого без будущего»…

Положение в Синьцзяне, Центральной Азии и Евразии, их турбулентность требуют управления хаотизированной средой. Это диктуется «мозаикой неурегулированных конфликтов» от Ливии до Китая. Здесь и там, теперь и в будущем достижение динамической стабильности возможно только опережением негативных событий методами превентивного crisis management, а не resolution; речь идёт о захвате и перехвате стратегической инициативы. Для начала необходимо осознать геополитический «ландшафт» истории – он похож на многоярусный «китайский шар», т.е. представляет собой систему сложноподчинённых видов деятельности в едином и целостном универсуме. Историческая обстановка «2-го ядерного века» (перманентного балансирования между миром и войной) делает опасной ситуацию, когда привычные благие усилия уходят «в песок». Происходит это по двум главным причинам: (1) непонимание контекста и логики событий с (2) последующей мистификацией реальности [24, с. 11, 13, 14, 17, 21, 23].

Обстановка мистифицированной реальности требует «накинуть на краткосрочные интересы узду стратегических смыслов» [23, с. 32–34] («стратегия определяет цели, тактика решает задачи» у автора классической «Стратегии» ген. А.А. Свечина; *цзими* в китайской традиции). Стратегия позволяет преодолеть «пропасть» исторического момента в два прыжка.

3. «Слёзы дьявола» и глобальное «Ойлдорадо». Суть новой Большой игры в Сердце Земли (Хартлэнде, центральной Евразии) XXI в. не изменилась по сравнению с реалиями Игры XIX–XX вв.: сменились её фигуранты; диаду Британской и Российской империй сменила триада США, России, Китая; на смену диалектике геополитического противоборства пришла «триалектика» (любимое детище китайской стратегии).

Если в первой Большой игре главной ставкой были центральноазиатские подступы к Индии – «жемчужине Британской короны», то в новой БИ главных ставок не менее двух: 1. подходы к Синьцзяну («жемчужине» Китайской короны) и 2. нефтегазовые ресурсы Каспия (соединённые трубопроводами через Синьцзян с тем же Китаем). В русле упомянутой выше «триалектики» новая Большая игра напоминает, как и старая, пресловутый «турнир теней» (выражение графа Нессельроде). Власти США стремятся (в меру сил) монополизировать эти ресурсы как альтернативу «уязвимым» ближневосточным – «блажен, кто верует». В реальности углеводороды Каспия включены в проекты Нового Шелкового пути (НШП) и Большого Ближнего Востока, чьи векторы нацелены вдаль – на Китай и Россию. В зонах этих проектов развиваются двуединые процессы conflict and war. В этой связи регион признан «ахиллесовой пятой» мировой экономики и политики.

Главная проблема прикаспийского региона – удалённость от океанов на тысячу миль. По этой причине на Запад экспортируема лишь нефть Азербайджана. Вывозить морем нефть Туркестана не получается: танкеры то садятся на грунт, то вмерзают в лёд. Оптимален экспорт нефти и газа в восточном и северном направлении – в Китай (Синьцзян) и Россию. В южном направлении США пока удавалось блокировать экспорт из Казахстана и Туркмении через Иран (с обменом – в пути – среднеазиатской нефти на иранскую). Логично предположить, что США выгодно положение «собаки на сене» (при недосягаемости нефти и газа Каспия для себя монополизировать их косвенно – не дать соперникам сполна ими пользоваться).

Альтернативный трубопроводный проект ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия) остаётся притчей во языцех уже третье десятилетие. В своё время с расчётом на него сперва к власти привели, а затем свергли Талибан. Окрепло убеждение, что для охраны трубопровода через Афганистан (будь он проложен) понадобится вторая армия дополнительно к тем силам НАТО, которые уже там пребывают.

Тем временем Китай скупил 60% 3-го по величине нефтяного месторождения под Актюбинском и проложил из Казахстана трубопро-

вод длиной без малого 3 тыс. км до административного центра Синьцзяна – Урумчи. В данных обстоятельствах США надеются не столько на свои планы военного «окружения» Китая, сколько на окружение его интригами в сопредельных государствах («deceptive surface of diplomatic negotiations»). Если Китай признан главным соперником США в Большой игре, то главным козырем в ней следует считать Синьцзян – «ключ к [Китаю и всей] мировой политике». (Аналогичную оценку в 1906 г. дал Британской Индии А.Е. Снесарев.) Важнейшим «игровым полем» современной геополитики становятся 1) Южный Синьцзян – Кашгария, 2) Ферганская долина и 3) соединяющее их стратегическое шоссе Ош-Кашгар. Поскольку в геополитике «карты рассказывают далеко не всё», автор «Новой Большой игры» Л. Клевеман поставил на первое место свое посещение именно Синьцзяна. После распада СССР в Средней Азии (Западном Туркестане) образовался тот «вакуум силы», в который начал втягиваться Восточный Туркестан. Он остаётся «горячей точкой» Большой игры с самого её начала, которое следует относить не к XIX в., а судя по документам британской разведки, ещё к XVI в. – временам Елизаветы I и Непобедимой армады.

Синьцзян важен для Китая прежде всего тем, что он составляет шестую часть территории КНР и при этом содержит до ¾ минеральных ресурсов страны. Уже в XIX в. англичане, активизируясь в центре Азии, обратили внимание на ошибочную оценку роли Восточного Туркестана знаменитым Н.М. Пржевальским: «Кашгарская империя не стоит и копейки». Тот, правда, ориентировался в синьцзянском вопросе гораздо хуже Скобелева и Куропаткина, Кауфмана и Корнилова. Потому напрашивается контрвопрос Пржевальскому (перефразируя Р. Гамзатова):

Скажите, в старых или новых ценах
У Вас копейки принято считать?

4. Регион невидимый и непонятный. В Англии конца XIX – начала XX вв. Синьцзян (Восточный Туркестан) заслужил репутацию Strange Invisible Region (SIR). И в самом деле, за его исследование главный конкурент русских учёных, австриец Марк Аврелий Штайн в 1912 г. был посвящён в рыцари Британской империи [7, с. 193] и стал именоваться «сэром Орелом Стейном». Этот удачливый собиратель восточнотуркестанских раритетов (их он вывез – через Россию – 12 огромных ящиков; издав затем более дюжины томов иллюстраций и описаний) заслужил в начале XX в. на Западе репутацию новейшего Геродота. Но ген. А.Е. Снесарев напоминает, что русским Геродотом за 40 лет до Стейна мог и должен был считаться организатор III Всемирного конгресса востоковедов в Петербурге

(1876) проф. В.В. Григорьев (в течение 1850-х – начала 1860-х гг. начальник разведки Оренбургского военного округа). Ровно 140 лет назад, в 1873 г., была издана именно его монография «Восточный, или Китайский Туркестан». Даже не имея возможности посетить отдалённый от Оренбурга Синьцзян (в то время отделившийся от Китая в результате восстания 1864 г.), В.В. Григорьев оценил его геополитический вес и реконструировал его историю. Даже на огромном удалении во времени и пространстве для Григорьева Восточный Туркестан вовсе не был ни strange, ни invisible.

Авторитет полузабытого российского востоковеда не был для современников удивительным: его – преподавателя гражданских вузов – знаменитый ген. В. Перовский пригласил в Оренбург на должность начальника разведки и военно-дипломатической Пограничной комиссии (до него эти должности без особых успехов занимали два генерал-майора службы Генштаба). Восточный Туркестан пребывал, казалось бы, далеко за горизонтом зоны ответственности Григорьева: ближней зоной был Казахстан, которым он фактически управлял методами soft power, средней – источник беспокойства Хива, дальними – не менее беспокойные Бухара и Коканд.

Тем не менее во внешней политике России и даже в её науке Синьцзян оставался почти невидимым в течение и XIX, и XX в.; «дуэль теней» Россия здесь то и дело проигрывала. Это происходило несмотря на то, что Восточный Туркестан граничил с ней непосредственно, являлся важной зоной внешней торговли и даже признавался российской сферой влияния. Синьцзян изучали такие востоковеды, как акад. С.Ф. Ольденбург, военные географы ген. М.В. Певцов, вслед за ним А.Е. Снесарев и Л.Г. Корнилов. Историком Восточного Туркестана и собирателем древностей был генеральный консул России в Кашгаре Н.Ф. Петровский; как преемник кокандских аксакалов он обеспечивал в Синьцзяне кондоминиум России и империи Цин.

Ошибкой большинства российских специалистов была поверхностная оценка Восточного Туркестана как извечной (и неполноценной) окраины Китая. Та и другая оценки не имели под собой ни малейших оснований. Пример подобного заблуждения являет американец Дж. Чэнь: уверяя, что культуру в Кашгарию якобы принесли китайцы, он сам не замечает несообразности своих аргументов. И правда, если в Кашгарии (экстремальной зоне пустынь) уже были земледелие и города, как страна дожила до прихода китайцев и вообще зачем их ждала? И почему эта страна пропустила через себя в Китай эллинистическую, иранскую и индийскую культуры, ничего якобы не заимствуя? Автор не замечает абсурда собственных построений, или забывает перечитать им самим же написанное.

5. Инсургенция в Синьцзяне: КНР повторяет судьбу империи Цин? Современная обстановка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР неспокойна настолько, что крупнейшая провинция Китая признана самой опасной и самой угрожающей стабильности государства в целом. Такова по крайней мере оценка в Белой книге по вопросам обороны Китая. Там Синьцзян упоминается 3-м кризисным регионом Китая (по порядку перечисления), но 1-м – по степени серьёзности проблем (эта степень по порядку номеров возрастает). После заключения российско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г. по Синьцзяну тот жил без потрясений 50 лет благодаря пассивно-стабилизирующей позиции сначала царской, потом советской России. Но после 1931 г. восстания местного населения происходят здесь не менее регулярно, чем в цинский период. В ходе восстания 1931–1934 гг. короткое время существовала I Восточно-Туркестанская республика, созданная националистами и клерикалами. В результате революции 7 ноября 1944 г. возникла II ВТР, созданная народным фронтом во главе с местными коммунистами (Народно-революционная партия ВТР). В 1949 г. ВТР вошла в состав КНР, в 1955 г. провинция Синьцзян была переименована в СУАР. Некоторый перерыв в оппозиционных выступлениях наблюдался в 50-е гг., пока сохранялись надежды на реальную автономию и национальное равноправие. В ходе т.н. «Культурной революции» выступления в Синьцзяне жестоко подавлялись, но с конца 1980-х гг. они нарастают.

В середине 1990-х гг. китайские специалисты прогнозировали 3 стадии усиления синьцзянского сопротивления: 1) подпольную до 2005 г. 2) зарождение и развитие «оборонительного» партизанского движения (до 2015 г.), 3) дальнейшую эскалацию (до 2025 г.) инсургенции и её переход в «наступательную» стадию (масштабы последней могут быть разными в зависимости от конкретной внутренней и международной обстановки) [37, с. 372, 376]. Относительно 1–2-й стадий этот прогноз Провинциального комитета КПК от ноября 1995 г. уже оправдался…

Усугубление положения в Синьцзяне на протяжении последних 45 лет неудивительно. Ещё в 1968 г. (в период «Культурной революции») подпольно возродилась НРП ВТР. В 1975 г. был создан Объединённый революционный фронт Восточного Туркестана (оба события предположительно произошли в эмиграции – на территории СССР). Современная уйгурская (по преимуществу) политическая эмиграция активна на Западе, прежде всего в США и Германии. На территории Синьцзяна наиболее активны исламисты, которые блокируются с Аль-Каидой, проходят обучение в Пакистане и практику – во всех «горячих точках мира». На сегодняшний день

известны три воинственных Исламских движения (Узбекистана, Восточного Туркестана и Афганистана). Опираясь на базы в Афганистане, ИДУ и ИДВТ стремятся развернуть партизанскую войну на стыке Синьцзяна и Ферганской долины, причудливо поделённой между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном; в Фергане 3 госграницы переплелись и свернулись в «змеиный клубок».

6. Синьцзянская инсургенция: американские полевые исследования. Об инсургенции в центре Азии существует немало работ, но к новейшим принадлежит исследование М. Уэйна [60]. Оно начато в момент развёртывания партизанских действий в Синьцзяне в 2006–2007 г., а издано в 2008. Хорошо и разносторонне подготовленный специалист внимательно и профессионально изучил обстановку и общественные настроения в СУАР, оценил перспективы инсургенции и ход противоповстанческих операций. Исследование Уэйна отражает, конечно, обстановку недавнего прошлого, но оно ничуть не устарело, если судить по факту недавних переговоров начальников Генеральных штабов КНР и Израиля на предмет обмена опытом борьбы с партизанами и совместной подготовки кадров для этой борьбы [8, с. 14].

С М.Уэйном нелегко согласиться в том, что инсургенция в Синьцзяне «более чем известна и менее чем понятна»: первое более чем сомнительно, хотя второе – верно. С первых строк автор уверен, что неотложные действия властей КНР по борьбе с инсургентами «один из немногих успешных примеров в современном мире». Прав он лишь отчасти: успехи есть, но незначительные. Частично незначительность результатов борьбы с инсургентами объяснима тем, что они меньше зависят от вооружения и финансирования (материальных сил F), чем от уровня боевой подготовки, качества руководства, умения действовать и побеждать малыми группами (нематериальные силы Ψ) [59, с. 33, 34, 43]. Но всё же неясно, чем объяснима невысокая активность инсургентов: давлением со стороны сил безопасности или умением экономить (правильно расходовать) свои ограниченные силы. Это тот самый случай, когда «факты отвлекают от общей картины» [59, с. 41].

Неточность оценок Уэйна объяснима тем, что хотя он признает инсургенцию в Синьцзяне исторически укоренённой, но относит её развитие лишь к современности (максимум новейшей истории). На самом деле процесс непрерывен на протяжении всей истории Синьцзяна с середины XVIII в. Власти КНР борются т.о. с историческими корнями общественного сознания уйгуров и других неханьских народов Синьцзяна. Верно, однако, другое наблюдение американского

специалиста: пример для себя уйгуры почерпнули в Афганистане, где инсургенты «одержали верх над сверхдержавой».

Если раньше по «тропе Дэн Сяопина» (эпитет наш. – *О.З.*) из Синьцзяна через Пакистан в Афганистан тысячи мулов везли китайское оружие и снаряжение для моджахедов, то теперь из Синьцзяна тем же путём перемещаются в Пакистан будущие синьцзянские боевики, а в обратном направлении – наркотики и диверсанты [58, с. 49, 51]. Красноречива и такая деталь: в Россию и далее Европу проложены два канала наркотрафика: 1. в интересах Афганистана 2. оттуда и туда же через Синьцзян. То есть, в интересах глобальной наркоторговли (а она подпитывает инсургенцию финансово и организационно) восстановлен Средний Восток времён до освобождения Индии и появления Пакистана: Иран+Афганистан+Синьцзян. Этот геополитический «полумесяц» позволяет исламизму маневрировать в центре Азии и на Кавказе «по путям Тамерлана» (М. Волошин).

М. Уэйн отмечает, что первоначально Китай в Синьцзяне обеспечивал физическое, количественное превосходство над инсургентами в силах и средствах, но качество этого превосходства отставало, и эффективность была невысока. Обеспечивалось массивное и длительное присутствие. Признав его недостаточность, власти КНР пытались подорвать социальную базу повстанцев методами Policing and Pressing с целью «фундаментально реформировать общество». Ключевую роль должны бы играть institutions and ideas, куда в силу несходства культур китайцам проникнуть непросто. Стремление придерживаться мягких, ненасильственных средств (soft power) можно бы и приветствовать, но на деле получается soft cooperation-incorporation.

«Социоцентрическая война», ведомая КПК в Синьцзяне, более напоминает театральное представление в условиях жёсткой цензуры и политического контроля. Доверием населения эта линия не пользуется. «Стратегическим центром тяжести» (Клаузевиц) политики КПК в Синьцзяне является удобное для властей историческое сознание населения. Но идеологический center of gravity оборачивается фальсификацией истории, версией благодатного китайского культуртрегерства в ирано-тюркском, исламском мире Западного края.

Несмотря на все несомненные усилия китайского руководства по созданию системы обратных связей с неханьским населением Синьцзяна, результат получается неубедительный. Опасаясь, что «гений» технологий информационной войны «вырвется из бутылки», китайское руководство почитает за благо лишь тормозить, а не устранять негативные процессы. В частности, эксплуатируется исторический реликт – относительная разобщённость уйгурского этноса в оазисах Восточного Туркестана.

Наблюдение за событиями в Синьцзяне показывает, что даже потерпев неудачу, но не потерпев поражение, партизаны могут продемонстрировать свою «силу слабейших» и «слабость сильнейших» в лице их противников (даже тактические победы могут выдать слабость и неуспешность стратегии). Данное положение наблюдается уже четверть века. Усмотрев некие признаки молчаливой поддержки властей со стороны местного населения, М. Уэйн находит в ней признаки способности китайского руководства бороться за единство Китая практически бесконечно. Он тем не менее признаёт, что «надежда на будущее содержится не только в материальных достижениях, но и в медленном стабильном прогрессе свободы» (явлении несомненно духовном). В этой связи М. Уэйну приходится признать «историю самой спорной и наиболее дискуссионной темой в жизни Синьцзяна».

М. Уэйн также признал: анализируемая им синьцзянская действительность оказалась «сложно запутанной». Он фиксирует критическую тенденцию текущей политики: leadership fails. Таков результат «монетизации» (coining) контринсургенции. Уроки истории пока не усвоены, и в этом проблема. Стремясь к компромиссу между объективностью и политкорректностью, М. Уэйн успешно демонстрирует приёмы Ходжи Насреддина: лукавую амбивалентность, уклончивость, лукавые намёки на истину.

Частичное географическое решение проблемы власти КНР видят в негласном разделе СУАР на две части посредством шоссе, проложенного по пустыне Такла-Макан (резервуару нефтяных запасов Китая) через крупнейший в КНР Баянгол-Монгольский автономный округ – он включает львиную долю пустыни, где монголы не жили никогда (титульный этнос составляет меньше 1% населения округа). Административный центр округа – Кёрлэ – находится в Карашарском оазисе у подножья Тяньшаня (этот оазис – единственный из всех синьцзянских – используется кочевниками-монголами, а до них использовался древними уйгурами).

Баянгол и шоссе Кёрлэ–Тиканлык–Чарклык делят Восточный Туркестан на бывшие земли царства Кочо (сравнительно спокойная зона поздней исламизации. граничащая с собственно Китаем) и бывшие земли Караханидов-Каракитаев – раннего исламского государства с западными границами в Средней Азии, у Балхаша (зона военно-политической активности исламистов, сопредельная Фергане, Афганистану и Пакистану).

Такла-Маканское шоссе не так знаменито, как Каракорумское, проложенное через горные высоты центра Азии; оно не имеет непосредственного выхода за рубеж. Но его строительство было сопряжено с ничуть не меньшими расходами и трудностями. Дрейфующие

пески пустыни удаётся сдержать древесными насаждениями с их непрерывной подпиткой водой из специальных трубопроводов. Минуя недоступный уже две тысячи лет район оз. Лобнор, шоссе уходит в Цинхай: прямо в Синин, налево в Ганьсу (Дуньхуан) – и обратно в Синьцзян – в Кёрлэ через Комул, Турфан и Карашар.

Стратегические трубопроводы Китая проложены через север Синьцзяна в обход опасной зоны Караханидов и Каракитаев.

7. Гробница пяти китайских империй. Тезис о якобы извечной принадлежности Восточного Туркестана Китаю не проходит проверки ни логикой, ни конкретными фактами. Сам термин Синьцзян (Новая граница) относится лишь к XVIII в., ибо введён в 1760 г. в результате завоевания Восточного Туркестана цинским Китаем. В виде Туркестана край существует с I тысячелетия, в виде самостоятельной центрально-азиатской цивилизации кушанского и древнеиранского типов, далее среднеазиатско-исламского типа – более 2 тыс. лет (столько насчитывала здесь «родословная» национальной государственности к моменту цинского завоевания).

В борьбе с северными кочевыми соседями императорский Китай неоднократно пытался подчинить южную половину современного Синьцзяна – оазисы Кашгарии (с целью лишить их союзников и земледельческой базы). Основные попытки предприняли 5 сильнейших империй в истории Китая – Ранняя и Поздняя Хань, Тан, Юань и, наконец, маньчжуро-китайская Цин. Все попытки имели плачевный исход; ни одна империя не уцелела. Конечно, считать восточно-туркестанский фактор главной причиной их краха нельзя, но он несомненно сыграл роль как минимум катализатора.

Основатель первой китайской империи Цинь Ши-хуан строил свою геополитику достаточно рационально – придерживался естественных границ (ограничив территорию Китая морями, реками, пустынями, горами, дополнив их инженерными сооружениями Великой стены). Ранняя Хань и позднейшие империи, напротив, задались умозрительной целью «отрубить правую руку хуннов», а затем позднейших кочевников. Непонятно, что тут давал захват оазисов отдалённой страны, отделённой от Китая почти непроходимыми пустынями Гоби и Такла-Макан. Два песчаных моря вполне годились в качестве естественных рубежей, подкреплённых фортификацией. К этому выводу ещё в конце I в. до н.э. пришли власти Ранней Хань: «завоевав Западный край, ничего не приобрели, потеряв – ничего не утратили» [3, с. 214].

Можно предположить, что Китай пытался контролировать *Шёлковый путь,* начальный зарубежный отрезок которого пролегал через

Кашгарию. Но и здесь оказалось, что «миссия невыполнима». Ханьские специальные посланники Чжэн Цзи и Бань Чао могли числиться наместниками, но реально Кашгарией не правили, а могли только наблюдать за городами-государствами в оазисах, интригуя между ними и хуннами. Впрочем, Бань Чао небезуспешно предвосхитил в I в. эпопею полковника Лоуренса Аравийского.

В конце I в. до н.э. в Кашгарии погибла Великая армия, посланная императором У-ди в Фергану за среднеазиатскими скакунами. Первый состав армии погиб в пустыне от истощения и жажды («скорее от собственной численности, чем от доблести врагов», – как писал римлянин Вегеций), второй понёс большие потери, добыл скакунов, но… китайцы не научились ездить верхом. В итоге последовал трезвый вывод имперского правительства – решение отказаться от самоценных походов в Западный край. Поздняя Хань не усвоила уроков и выводов Ранней, хотя, судя по «Истории Поздней Хань», «хотя некоторые варвары и покорились, но ещё не совсем укротились». Предложение отвести войска из пустыни в собственно Китай сначала было отвергнуто, а потом стало поздно.

В VII–IX вв. империя Тан подчинила было Кашгарию, создав на её востоке вассальные владения Ичжоу (Комул), Сичжоу (Турфан), а также Бэйтин (позднейший Бешбалык); западнее было оформлено «наместничество» Аньси (Умиротворённый Запад) с центром в Кучаре. Но в борьбе с Арабским халифатом и Тибетом империя Тан опиралась на союз сперва с двумя Тюркскими каганатами, затем с преемником Восточного кагагата – Уйгурским. Дело дошло до того, что и навести внутренний порядок в империи не удавалось без уйгурских войск (они, в частности, подавили восстание Ань Лу-шаня). Натравив на Уйгурский каганат енисейских кыргызов (древних хакассов), танский Китай рассчитывал получить более покладистых союзников. Этого не произошло. Разграбив каганат, кыргызы ушли с добычей в Сибирь. Так империя Тан подрубила сук, на котором сидела. Уйгуры же ушли в Кашгарию и создали новое государство – царство Кочо на месте бывших танских владений Бэйтин, Ичжоу и Сичжоу (первый и третий – Бешбалык и Кочо – стали летней и зимней столицами Уйгурского царства).

Чингис-хан создал империю Юань на двух опорах – Монголии и уйгурском царстве Кочо. «Усыновив» уйгурского царя, превратив Кочо в 5-й улус империи, Чингис-хан обрёл в Кочо бесценный источник культуры (начиная с письменности), учёных, администраторов и воинов (в походах Чингис-хана участвовала 2-я, уйгурская армия). Опираясь на Кочо и пример Кочо, Чингис-хан мирно освободил остальную

Кашгарию и Семиречье (царство Караханидов и Каракитаев). Таким образом, не прилагая военных усилий он прошёл немалый путь от Монголии до владений Хорезмшаха за Сыр-дарьёй.

Преемники Чингис-хана расточили его наследие, в т.ч. аннулировали статус Кочо, превратив его из 5-го улуса в заурядного данника. В середине XIII царь Кочо был казнён вследствие интриг своего брата. Допустивший это великий хан Мункэ, занятый завоеванием Китая вместо укрепления империи, был убит в Сычуани из катапульты …горшком по голове (боеприпас не взорвался, но взрыва и не понадобилось). Основатель империи Юань Хубилай пытался править уйгурским царством силами сатрапов – т.н. «курук-беков» («пустынеправителей»). В борьбе со среднеазиатскими Чагатаидами и ханом Хайду они себя проявили «впустую правителями», и в конце концов в XIII в. империя Юань Кашгарию утратила.

Империя Цин, претендуя на наследие Чингис-хана и Хубилая, пыталась экстраполировать на Центральную Азию свой опыт поглощения Чахара (Южной Монголии) и Китая. Опираясь на него, Цин овладела Китаем и подчинила Халха-Монголию (для чего было разгромлено Джунгарское ханство, претендовавшее на гегемонию в Монголии и регионе). Указанные успехи были достигнуты в 1696 г. благодаря установлению влияния Цин в Комуле (Иу, бывшем Ичжоу) и Тибете – религиозном центре монгольского мира. В течение всей первой половины XVIII в. мощь и активность Джунгарского ханства снижались и его опасность для Цин уменьшалась. К концу царствования императора Канси – началу 1720-х гг. – империи удалось закрепить влияние в Тибете и установить – в Турфане; восток Восточного Туркестана вошёл в орбиту политики Китая подобно тому, как это было в период Тан (см. [26]).

Эти надёжные позиции показались Пекину недостаточными и уязвимыми. В 1755 г. цинские власти добились завоевания Джунгарии, в 1759 г. – Кашгарии. В 1760 г. их территории объединили в наместничество Синьцзян. В итоге территория Китая увеличилась примерно вдвое, но объём внутренних проблем – как минимум вчетверо. Вторая половина XVIII в. прошла в Китае в обстановке ложного спокойствия и мнимого процветания. XIX в. стал вместо Золотого Железным. Началось сползание империи в историческую пропасть.

8. «И могила, занесённая песком…» Цитата из песни французского Иностранного легиона характеризует положение империи Цин в период Новой истории. В XIX–XX вв. Китай переживал перманентный социально-экономический, внутри- и внешнеполитический кризис. Национальные окраины – Восточный Туркестан прежде всего –

подвергались эксплуатации, разорению и служили источниками нестабильности. Если во второй половине XVIII в. в Синьцзяне произошло одно восстание, то в первой половине XIX – целая серия. Они развернулись в контексте Опиумных войн и Тайпинского восстания. В 1864 г. народное восстание привело к отделению Восточного Туркестана от Китая в виде эмирата Йеттишар (Семь Городов; 1865–1878). Обратное завоевание Восточного Туркестана явилось следствием усилий прозападной клики императрицы Цы Си: англичане старались отвести силы империи Цин прочь от океана (своей сферы влияния) вглубь Азии, против России. Использовать войска карателя Кашгарии Цзо Цзун-тана против России в изначальном сценарии I мировой войны Британии не удалось (план ген. Мак-Грегора был захвачен российской разведкой). В Синьцзяне второй половины XIX в. сохранялся режим китайско-российского кондоминиума.

Цинский Китай второй половины XIX в., разделённый иностранными державами на сферы влияния и де-факто утративший суверенитет, был как бы погребён в песках Синьцзяна – пустынях Гоби и Такла-Макан. Жуткий ландшафт пустыни Гоби, отделявшей Китай от Синьцзяна, во время песчаной бури британский консул в Кашгаре генерал Ч.П. Сайкс живописует стихами Пушкина в английском переводе. Сунь Ятсен сравнивал Китай с кучей сухого песку: при безветрии он сохраняет единство, подует ветер – рассыпается.

Эффект кучи сухого песку, подмеченный Сунь Ятсеном, реализовался после Синьхайской революции при распаде Китайской республики на вотчины феодальных милитаристов. Упреждающим детонатором этого процесса можно считать, в частности, повторное завоевание Синьцзяна феодальным милитаристом Цзо Цзун-таном. Напротив, сторонник самоусиления Китая Ли Хунчжан был против возвращения Синьцзяна – «чёрной дыры» цинского Китая, источника всевозможных проблем. Китай нуждался в морской обороне от Англии и Японии на востоке, а не сухопутной на западе, в Синьцзяне, против России. Но марионеточная клика Цы Си мыслила в корне иначе.

Название пустыни в центре Синьцзяна, где много дрейфующих барханов и малозаметных могильников (Такла-Макан) имеет диалектный перевод «Войдёшь – не выйдешь». Цинский Китай сюда и вправду вошёл, и живым не вышел…

9. Синьцзяноведение сегодня: странный ландшафт. Синьцзянистика сегодня производит неоднозначое впечатление. Отрасль восточнотуркестанских исследований в России и СССР была и остаётся аморфной. Предшествующие поколения оставили нам серьёзные исследования. Перечислим лишь некоторые. Из них на 1-е место

Б.А. Литвинский в середине 80-х гг. поставил не превзойдённое по сей день исследование В.В. Григорьева [9]. Монография Л.И. Думана [13] не утратила своего качества с 1936 г. по сегодняшний день. Из новейших исследований самым солидным является 4-томник, посвящённый культуре доисламского Восточного Туркестана [6]. С 1874 г. по 1990 г. системных исследований по истории страны (до издания монографии О.В.Зотова [15]) в России не появлялось.

Авторы ряда добротных внешне работ 90-х гг. специфики Восточного Туркестана почти не учитывают или вовсе не знают, в них не затрагивается ни история страны, ни её специфика. В одном случае [12] сразу две (!) фундаментальных ошибки проникли на титульный лист, в другом [5] – дата образования Синьцзяна смещена на 125 лет, а исторические реалии отсутствуют. Не видно знакомства авторов ни с необходимыми монографиями и даже энциклопедиями. В двух других публикациях реалии Восточного Туркестана совершенно иррациональны или вовсе запутаны.

В одном случае (см. [1]) факты синьцзянской действительности отобраны наспех и поверхностно. Даже подготовленному читателю тут не понять причин внезапной суеты вокруг провинции и того, что там происходило между 1949 г. и нынешним временем. Неудачный опыт публикации на незнакомую автору тему очевиден. Автор статьи даже не знает, что стран*ы* «Уйгурии» («Страна Уйгурия, страна без забот…») в Азии никогда не было, названия реальных уйгурских государств ему неведомы. В другой современной публикации (см. [20]) изложены вещи фантастические. Даты событий перепутаны, а далее приводится совершенно удивительная версия поддержки царской Россией восстаний против империи Цин. При этом оказывается, что Москва была столицей России в 1871–1881 гг.?!! Предположение о планах создания в Синьцзяне «второго Маньчжоу-го» (?!) требует как минимум аргументации, но её нет… «Гастроли» на ниве Синьцзяна плохо или вовсе не подготовленных авторов приносят минимум пользы и немало вреда; некоторые авторы почти или вообще не знакомы с реалиями страны, не знают работ по истории Восточного Туркестана – ни отечественных, ни зарубежных (бывает, что не читают даже энциклопедий).

10. Вероятная судьба Восточного Туркестана. К проблемам Синьцзяна применим прогноз ген. А.Е. Снесарева: «только та политика, которая принесёт… прочный покой, обеспечит самостоятельность и доставит шансы просторнейшего развития в русле религиозно-национальных идеалов, снищет прочные симпатии… вообще и в частности» [33, с. 127].

11. Выводы.

А. Восточный Туркестан – ключевой фактор мировой политики, ибо втянут в конфликтные процессы Большого Ближнего Востока, являясь при этом наиболее важной (экономически) и уязвимой (стратегически) провинцией КНР. На Синьцзян непосредственно влияют события в Афганистане и бассейне Каспия.

Б. Традиционная недооценка значимости Восточного Туркестана объяснима недостаточным знанием и недолжным уровнем понимания хода и результатов его истории политиками и учёными XIX–XX вв. При этом незаурядную роль Восточного Туркестана в глобальной политике отчётливо понимали Чингис-хан и Тимур.

В. Ещё в I в. правящие круги Китая осознали бессмысленность прямого захвата нынешнего Синьцзяна для обороны империи. 5 империй в истории Китая в борьбе за отдалённый край приблизили свой крах.

Г. Нестабильность Синьцзяна сохранялась на всём протяжении истории КНР. Политика властей КНР в Синьцзяне становится более зрелой и конструктивной, но успеха не приносит; отчуждение местного населения от властей КНР нарастает. Власти Китая способны затормозить, но не устранить сопротивление (включая вооружённое) неханьских народов, прежде всего уйгуров.

Д. Чингис-хан и Тимур предоставили равноправие уйгурам и создали свои империи на двуединой основе. Но Китай всегда недооценивал значение равноправия народов и государств во внутренней и внешней политике.

Е. Решение вопросов «судьбы Синьцзяна» и будущего КНР зависят именно от решения (а) по существу, (б) исторически грамотно, (в) в русле приведённого выше прогноза ген. Снесарева.

Литература

1. *Ананьина Д.А.* Политика Китая в отношении СУАР: от репрессий к реформам // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLIII. Ч. 2. М., 2013.

2. *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай. СПб., 2009.

3. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // *Бичурин Н.Я.* Сочинения, т. 2. М.–Л., 1950.

4. *Богданович К.И.* Северо-западный Тибет, Куэнь-лунь и Кашгария // Известия Русского географического общества, т. 27. Вып. 1–6. СПб., 1891.

5. *Бондаренко А.В.* Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI в. М., 2010.

6. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Тт. 1–4. М., 1988–2000.

7. Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.

8. *Гельман З.* Китайцы учат иврит // Независимое военное обозрение, 16.VII.2013 г.
9. *Григорьев В.В.* Восточный или Китайский Туркестан, Тт. 1–2. СПб., 1869–1873.
10. *Гросс Дж.* Внешние связи накшбанди Центральной Азии в поздний период правления Тимуридов // Амир Тимур и его место в мировой истории. Ташкент, 1998.
11. *Девятов А.* Китайская специфика: как понял её я в разведке и бизнесе. М., 2002.
12. *Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. М., 1998.
13. *Думан Л.И.* Аграрная политика Цинского (маньчжуро-китайского) правительства в Синьцзяне. М.–Л., 1936.
14. *Железняков А.С.* Монгольский полюс политического устройства мира. М., 2003.
15. *Зотов О.В.* Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения. М., 1991.
16. *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами. М., 2008.
17. *Кляшторный С.Г.*, *Колесников А.А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников. А.-А., 1988.
18. *Кляшторный С.Г.*, *Колесников А.А.*, *Басханов М.К.* Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. А.-А., 1991.
19. *Мак-Грегор Ч.* Оборона Индии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 43. Ч. 1. СПб., 1891.
20. *Мировицкая Р.А.* Китайская провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях (1930–1940-е гг.) // Китай в мировой и региональной политике. Вып. XV. М., 2010.
21. *Мухин В.* Геополитический шторм на Каспии //Независимая газета, 9 авг. 2013.
22. *Неклесса А.* Механизм глобальной трансформации. М., 2003.
23. *Неклесса А.* Президентская повестка дня (Круглый стол 6 марта 2000 г.)
24. *Неклесса А.* Управляемый хаос. М., 2003.
25. *Нельсон Р.* Тимур как военный стратег и геополитик // Амир Тимур и его место в мировой истории. Ташкент, 1998.
26. *Непомнин О.Е.* История Китая: эпоха Цин. М., 2005.
27. *Обухов В.Г.* Потерянное Беловодье. М., 2012.
28. *Обухов В.Г.* Схватка шести империй: битва за Синьцзян. М., 2007.
29. *Обухов В.Г.* Уран для Берии. М., 2010.
30. *д'Оссон К.* От Чингис-хана до Тамерлана. А.-А., 1996.
31. *Репко С.И.* Китай: геополитика и военная мощь. М., 2001.
32. *Скрайн К.П.* Китайская Центральная Азия (Синьцзян). М., 1935.
33. *Снесарев А.Е.* Афганистан. М., 2002.
34. *Снесарев А.Е.* Гримасы стратегии // Военная мысль и революция. 1923. № 4.
35. *Снесарев А.Е.* Единая военная доктрина // Военное дело, 1920, № 8.
36. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды: судьба и власть. М., 2007.
37. *Сыроежкин К.Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. А.-А., 2003.

38. *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.
39. *Тюшкевич С.А.* Стратегическая стабильность в историческом измерении. М., 1995.
40. *Тюшкевич С.А.* Законы войны. М., 2002.
41. *Уэзерфилд Дж.* Чингис-хан и рождение современного мира. М., 2005.
42. *Хлобустов О.* Разведка на задворках империи // Независимое военное обозрение, 2003, № 29.
43. *Хопкирк П.* Большая игра против России: азиатский синдром. М., 2004.
44. *Эль Мюрид.* Если завтра война: «Арабская весна» и Россия. М., 2013.
45. *Barkhausen J.* L'empire jaune de Genghis-khan, P., 1935.
46. Bayangol, the Largest Prefecture of China. Beijing, 2009.
47. *Chen J.* The Sinkiang Story. N.Y.–L., 1977.
48. *Clubb O.E.* China and Russia: the Great Game. N.Y.–L., 1977.
49. *Dillon M.* Xinjang: China's Muslem Far Northwest. N.Y.–L., 2004.
50. *Friedrich M.* Ostturkestan? Xinjang? Uyghurestan? // Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien: Sonderveroffentlichung. Juni 1995.
51. *Frye R.* The Heritage of Central Asia. Princeton, 1996.
52. *Kleveman L.* The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. N.Y., 2003.
53. *Le Strange G.* The Lands of the Eastern Khaliphate: Mesopotamia, Persia, Central Asia from the Mongol Conquest to the Time of Timur. N.Y., 1966.
54. *Meyer K.*, *Brysak S.B.* Kingmakers: the Invention of Modern Middle East. N.Y.–L., 2008.
55. The Mongol Empire and Its Legacy. Leid, Bost, Köln. n.d.
56. *Morgan G.* Ney Elias: Explorer and Envoy Extraordinary in High Asia. L., 1971.
57. *Rossabi M.* Khubilai Khan: His Life and Times. Berk., L.A.– L.,1988.
58. *Sykes P.* Through Deserts and Oases of Central Asia. L., 1920.
59. *Wayne M.I.* China's War on Terrorism: Counter-insurgency, politics, and internal security. N.Y.–L., 2008.
60. *Энвер Байтур*, *Хэйринса Сидик.* Шинджандики миллэтлэрнин тарихи (История национальностей Синьцзяна; на уйгур.яз.). Пекин, 1991.
61. Военно-промышленный курьер.
62. Красная звезда.
63. Независимая газета.
64. Независимое военное обозрение.